

РЕТРОСПЕКТИВНЫЕ И ПРОСПЕКТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ТЕКСТА И ВЫСКАЗЫВАНИЯ В РАМКАХ ПРАГМАТИЧЕСКОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

В данной статье автор пытается как можно более четко определить различие между во многом сходными терминами “*текст*” и “*высказывание*” с целью определения прагматических интенций обоих понятий для коммуникантов.

Для речевой прагматики абсолютно естественным является такой подход, при котором исследование коммуникативно-прагматических свойств языка прежде всего происходило с опорой на понятие высказывания, которое понималось как коррелят предложения в дихотомии “язык-речь”. Изучение достаточно емкого конгломерата материала по данной теме все же не представило возможным определить кореферентность данных понятий, и вообще, стоило ли намечать тенденцию к их последующему разграничиванию. Таким образом, среди **задач**, которые были поставлены и решены в ходе исследования, были попытка установить, по возможности, наиболее четкое различие терминов “*текст*” и “*высказывание*” и выяснить возможность их прагматического прогнозирования. **Целью** нашей работы была необходимость выявить как определенные прагматические свойства, характерные каждому из данных, близких во многом, но все же разнящихся понятий, способных интегрировать интенции общающихся личностей, воздействующих друг на друга с помощью этих категорий. Решение этих задач, в свою очередь, обеспечивало **актуальность** данной работы.

В ходе исследования оказалось весьма существенным для лингвистической экспертизы четко дифференцировать прагматические свойства “*текста*” и “*высказывания*” и избегать всякой синонимии данных понятий.

В данной работе мы даем обоснование данному подходу, а также считаем, что это достаточно важный шаг на пути развития прагмалингвистики, и склонны рассматривать этот фактор как залог **научной новизны** и **теоретической значимости** нашего исследования.

Прежде всего, стоит еще раз произвести акцент на том, что обычным для лингвистики текста и речевой прагматики является такой подход, при котором высказывание трактуется как структурный элемент текста. Делается это, впрочем, по-разному. Вот несколько примеров того, как именно рассматривается соотношение “высказывание – текст”.

“Текст имеет свою структуру. Он строится на основе высказываний, и его структура определяется прежде всего порядком следования высказываний. Это доминирующий признак построения текста. Комбинация высказываний, из которых состоит текст, регулируется установленными закономерностями, в основе которых лежит повторяемость последним предложением отдельных элементов предыдущих предложений. Этот фактор обуславливает принадлежность высказываний к одному связанному тексту и соотношение их с окружающим контекстом”.¹

Совершенно очевидно, что многое в приведенной выше цитате может вызывать возражения. В частности, не до конца понятно, что именно понимается под термином “высказывание”, т.к. оно употребляется синонимично термину “предложение”. Строго говоря, если здесь говорится о языковых средствах, обеспечивающих формальную связность текста, то к коммуникативной структуре текста это имеет лишь опосредованное отношение.

Следующий пример, который нам представился интересным в контексте нашего исследования, иллюстрирует достаточно обоснованно возможную дифференциацию анализируемых нами понятий: *“Речевые знаковые системы (тексты, сверхфразовые единства, высказывания) более целесообразно соотносить с деятельностью человека в целом. (...) Тогда текст можно будет соотнести с целостной деятельностью, высказывание – с относительно самостоятельным действием в составе деятельности, а сверхфразовое единство – с относительно самостоятельной группой действий в составе целостной деятельности”*.²

При такой трактовке удастся избежать механистического отождествления коммуникативных единиц “высказывание” и “текст” (как единица общения) с формально-структурными “предложение” и “текст” (как связная последовательность предложений). Тем не менее, мы не можем согласиться с таким

подходом в силу ряда причин. Прежде всего, опять встает вопрос об иерархии: вербальное образование, служащее средством обеспечения *“относительно самостоятельной группы действий в составе целостной деятельности”* может быть представлено как текстом, неделимым на сверхфразовые единства (некий речевой этап неречевой деятельности, например, вводная перед началом какой-то работы), так и речевым произведением, формально равным одному предложению и, следовательно, неспособным называться сверхфразовым единством.

Подтверждения данного тезиса можно смело продемонстрировать на основе материалов исследования известного российского лингвиста Мелиховой Н.В. В ее работе говорится о текстах разной степени сложности: микротекстах, текстах, компонентами которых являются микротексты, и *“больших текстах”*, которые являются *“системами, образованными из подсистем – текстов более низкого уровня”*. При этом микротекст понимается как *“множество взаимодействующих высказываний”*.³ Сколь велико это множество, в чем сущностные различия между микротекстом и текстом, какого объема вербальное образование заслуживает названия *Убольшого текста* – неясно, хотя цитированная работа не носит характера тезисов и достаточно объемна.

Тем не менее, нельзя согласиться с таким подходом в силу ряда причин. Прежде всего, снова возникает вопрос об иерархии: вербальное образование, служащее средством обеспечения *“относительно самостоятельной группы действий в составе целостной деятельности”*, может быть представлено как текстом, неделимым на сверхфразовые единства (некий речевой этап неречевой деятельности, например, вводная перед началом какой-то работы), так и речевым произведением, формально равным одному предложению, и, следовательно, неспособным называться сверхфразовым единством.

Также трактовка высказывания как структурного элемента текста имеет, как нам представляется, тоже свои неясности. В частности, можно задать следующие вопросы: если высказывание определяется прежде всего по своей коммуникативной направленности, то по чему же следует определять текст? Если также по коммуникативной направленности, то какая между этими понятиями разница? В чем коммуникативная направленность высказывания отлична от того же свойства

текста? А также вполне справедливо напрашивается прагматически оправданный вопрос: следует ли понимать “разделение труда” между текстом и высказыванием в том смысле, что текст ориентирован на достижение глобальной стратегической цели, а высказывания “обслуживают” цели тактические? И если да, то не окажется ли, что текстом может являться только текст монологический, или только такой диалогический текст, создатели которого (участники диалога) принципиально настроены на достижение некоторого общего результата, одинаково нужного каждому из них, как это, в идеале, должно быть, к примеру, в научной дискуссии, направленной на установление истины? Если речь может идти и о диалогическом тексте вообще, в т.ч. таком, создатели которого преследуют различные цели, то следует ли понимать текст как факт, воспринимаемый и оцениваемый коммуникантами апостериори, по завершении собственно коммуникации? На некоторые из этих вопросов мы попытаемся ответить.

На данном этапе следует обратиться к концепции В.Г. Адмони.⁴ Предварительно нужно сделать достаточно существенную оговорку: во избежание терминологической путаницы не следует принимать во внимание то, что В.Г. Адмони употребляет и термин “высказывание”, и термин “текст”. Дело в том, что В.Г. Адмони различает текст и высказывание по признаку воспроизводимости:⁵ текстом он называет высказывание, предназначенное к многократному воспроизведению.

*“Элементарное высказывание в его основной форме состоит из высказывания, в принципе обладающего смысловой и формальной законченностью. Оно в большинстве случаев соответствует предложению. (...) Но элементарным высказыванием может явиться и некоторая последовательность предложений, семантически и структурно опирающихся друг на друга. Особенно отчетливо это проявляется в вопросно-ответном единстве”.*⁶ В.Г. Адмони указывает, что если одно предложение явно предполагает другое, например, как вопрос предполагает ответ, или если последующее предложение опирается на “смысловые и грамматические проекции”, исходящие из предыдущего, то его можно считать частью составного элементарного высказывания.

Итак, цельное высказывание – это высказывание, *“только по отношению к которому получают свой коммуникативный статус входящие в него (...) элементарные высказывания. Таким образом, ведь цельным высказыванием может вполне оказаться и любой словарь, поскольку каждая словарная статья получает свое функциональное значение только из своего соотношения со словарем как целым – из факта своего вхождения в словарь”*.⁷

Кроме того, следует отметить, что элементарное высказывание в принципе может быть в то же время цельным, если оно полностью самодостаточно в коммуникативном плане и не зависит ни от каких предыдущих (хотя, как говорил М.М. Бахтин, который нам представляется довольно гармоничным прагматиком, *“всякий говорящий сам является в большей или меньшей степени отвечающим: ведь он не первый говорящий, впервые нарушивший вечное молчание вселенной.(...) Каждое высказывание – это звено в очень сложно организованной цепи других высказываний”*⁸.

Согласно В.Г. Адмони, цельным высказыванием (в применении к обыденной диалогической речи) может считаться только весь текстовый массив, который будет продуцирован коммуникантами в конкретной ситуации общения, в крайнем случае – часть этого массива, явным образом посвященная одному предмету. Каждая же реплика будет высказыванием элементарным, причем сама реплика представляет собой только *“верхушку айсберга”*, имея при себе весь предшествующий текстовый массив в качестве *“подводной части”*.

Во многом противоположные мысли о высказывании принадлежат тому же ранее процитированному М.М. Бахтину. По его мнению, высказывание – это та реальная форма, в которой существует человеческая речь: *“Речь всегда отливается в форму высказывания, принадлежащего определенному речевому субъекту, и вне этой формы существовать не может”*.⁹ При этом высказывание, по М.М. Бахтину, гораздо более четко занимает свое место в общем потоке речи: *“Всякое высказывание – от короткой (однословной) реплики бытового диалога и до большого романа или научного трактата – имеет, так сказать, абсолютное начало и абсолютный конец: до его начала – высказывания других, после его окончания – ответные высказывания других.(...) Высказывание – это не условная*

единица, а единица реальная, четко отграниченная сменой речевых субъектов”¹⁰

М.М. Бахтин определяет основополагающий и, наверное, существеннейший признак высказывания – его специфическую завершенность, важнейшим критерием которой является возможность “занять в отношении его (высказывания. – О.Т.) ответную позицию.(...)”¹¹

Далее хотелось бы представить следующую трактовку проблемы взаимоотношения понятий “*текст*” и “*высказывание*”, с указанием конкретного наполнения, вкладываемого в каждое из понятий.

Будем исходить из того, что и текст, и высказывание – суть понятия, так или иначе соотносимые с понятием коммуникации. А если это – коммуникативные единицы, то и типологию таких единиц следует строить, исходя из общей структуры коммуникативного акта. Ибо с целью обеспечения этой коммуникации и существуют данные языковые категории.

Итак, в процессе коммуникации участники речевого общения ставят перед собой определенные коммуникативные задачи, которые и решают затем доступными им средствами. Инструментарий, предоставляемый им языком, широк и достаточно гибок и позволяет коммуникантам выбирать такие языковые средства, которые наилучшим образом дают возможность достичь этих целей.

Таким образом, с точки зрения природы “чистейшей коммуникации”, т.е. когда общающиеся настроены на успешное общение, представляется, что, во-первых, каждую отдельную реплику следует рассматривать как самостоятельное образование, предназначенное автором к выполнению конкретной коммуникативной миссии, во-вторых, нельзя забывать о том, что вся совокупность реплик каждого из коммуникантов должна рассматриваться как единое целое, поскольку эта совокупность построена именно таким образом, что представляет собой развертывание личной позиции коммуниканта по вопросам, затрагиваемым в процессе общения, наконец, в-третьих, вся совокупность реплик всех участников данного акта общения должна рассматриваться как единое целое, поскольку представляет собой вербальную проекцию единого процесса взаимодействия и взаимного влияния личностных установок коммуникантов, задействованных в акте общения.

Пытаясь выделить что-то общее в этих трех явлениях, мы пришли к следующему выводу: общим свойством трех названных выше сущностей является то, **что они рождаются и функционируют в постоянном взаимодействии общающихся личностей. Образование каждой из них более всего определено фигурами коммуникантов.** Здесь уместно было бы еще раз процитировать М.М. Бахтина: “Событие жизни текста, то есть его подлинная сущность, всегда развивается **на рубеже двух сознаний, двух субъектов**”.¹²

Так, текст занимает позицию посредника между субъектами общения. Следовательно, можно определить текст как продукт опосредованных языком воздействий коммуникантов друг на друга. Налицо чистейшая прагматическая функция категории “*текст*”.

Таким образом, то, что говорилось В.Г. Адмони касательно многосоставных элементарных высказываний, можно заключить так: высказывание является представителем, активной частью предыдущего текста (как он формировался для данного коммуниканта), будь то с опорой на ответные или на собственные реплики.

Не следует принимать трактовки высказывания как структурного элемента текста, если под этим имеется в виду то, что текст состоит из множества высказываний. Хотя стоит признать за высказыванием этот статус, если считать высказыванием актуальную на некий конкретный момент реплику, за которой стоит множество других реплик, к этому конкретному моменту представляющих собой только часть фонда общих знаний данных коммуникантов, пусть и наиболее свежую его часть.

Теперь мы приходим к важному выводу, который как раз и приближает нас к осуществлению цели данной работы. Анализируя лингвистическую природу высказывания, видишь, что, будучи актуализированным, введенным в коммуникативную ситуацию, высказывание начинает постепенно терять свое свойство абсолютной новизны и остроты, превращаясь в такой же материал для следующего высказывания, как и все предыдущие реплики (естественно, не в абсолютном смысле “такой же”: этот материал будет тем более значимым, чем он более нов). Оно может быть рассмотрено как с опорой на них, для уяснения того, каким образом развитие ситуации общения

привело именно к такому повороту, так и само по себе, как относительно самодостаточное образование, решающее конкретную ограниченную проблему (чем, собственно, и занимается теория речевых актов). Иными словами, оно вполне может быть расценено как текст.

Итак, в завершение проведенного исследования мы пришли к следующим основным **выводам**. Прежде всего, мы считаем, что основополагающее различие между такими лингвистическими категориями, как “*текст*” и “*высказывание*”, заключается в том, что, с прагматической точки зрения, высказывание **актуально**, в то время как текст **ретроспективен**. При этом ретроспективен он все в той же системе, включающей, помимо его самого, коммуникантов, принимающих участие в его построении.

Мы считаем, что подобное различие может позволить оперировать понятием “*текст*” как для обозначения отдельной реплики, так и для обозначения совокупности реплик.

Кроме того, в рамках прагматического наполнения анализируемых нами понятий для достижения коммуникативных задач, поставленных коммуникантами, становится очевидным, что при таком подходе к данным категориям, который мы выделили в нашей работе, важным различительным моментом для собственно “*текста*” и собственно “*высказывания*” становится тот факт, что **высказывание оказывается принципиально контекстуально связанным**, в то время как **текст может быть отчужден от ситуации**.

Иными словами, говоря о высказывании, мы заостряем внимание на процессе коммуникации, а говоря о тексте – на орудиях ее обеспечения.

Изучение прагматических свойств таких лингвистических категорий, как “*текст*” и “*высказывание*”, вызывает большой интерес в рамках исследования человеческой коммуникации, изучение которой представляется на сегодняшний день весьма далеким до завершения, что, в свою очередь, обеспечивает **практическую ценность** проведенного исследования и предполагает применение результатов нашей работы в дальнейших исследованиях в этой области языкознания.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Габ М.А. Текст в речевом общении // Высказывание и текст. – М.: МГИМО, 1988. – С. 35.
2. Сидоров Е.В. Аспекты организации высказывания в коммуникативном освещении // Текст в коммуникации. – М.: ИЯ АН СССР, 1991. – С. 41.
3. Мелихова Н.В. Текст и смысловая иерархия составляющих // Высказывание и текст. – М.: МГИМО, 1988. – С. 105.
4. Адмони В.Г. Система форм речевого высказывания. – СПб.: Наука, 1994. – С. 154.
5. Адмони В.Г. Грамматика и текст // Вопросы языкознания. – 1985. – № 1. – С. 63-69.
6. Там же, с. 16.
7. Там же.
8. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1984. – С. 261.
9. Там же, с. 263.
10. Там же.
11. Там же, с. 269.
12. Там же, с. 301.